

Литературный конкурс

«...ОТ ВАС БЕРУ ВОСПОМИНАНИЕ, А СЕРДЦЕ ОСТАВЛЯЮ ВАМ»

*Автор: Емкужеева Алина Владимировна,
Тульская обл., г. Новомосковск*

Хранитель времен

Я стою на стыке времен... Ветер дышит моими ветвями, и вековой дождь холодом стекла режет мои листья. Я стою на стыке времен, и вокруг меня кипит жизнь, та жизнь, детали которой я вижу в отражении тягучего озера. Никто не зовет меня, я стою так же, как все остальные, - такие же, как я, на стыке времен... Я помню те дни, когда только создавался мир вокруг, когда небо становилось ближе, и... когда одинокий человек в черном фраке приходил проведать меня и в глазах его я видел вдохновенный свет грусти. Я не знаю, чего он хотел и я не слышал его речей, а ветер все хлестал мою крону. Но я не умел противиться ветру.

И каждый день крутился вокруг меня новыми историями, я был их частью, но никогда не был героем. Я чувствовал вибрации жизни всем своим существом, в жилах пульсировал свет живительного солнца. Я до сих пор чувствую его, но судьба лишила меня того, что мне причитается. Неужели я не заслуживаю жизни, настоящей, сильной, великой жизни? Или мое предназначение – стоять, прогибаясь под порывами свободного, буйного, злого ветра, безжалостного, как все вокруг! Я хочу быть свободным! Хочу всего, что вижу каждый день, хочу оторвать свои корни от постылой земли и ринуться к тем людям, чьи истории так и остались неоконченными, затронутыми моей заключенной природой.

Я видел, когда-то, давным-давно... на озере застыла лодка, а в ней – двое: отец и сын. Они были похожи, как две капли воды, и смех у них был похожий, только у мальчишки голосок был совсем тонкий, как звон колокольчиков на шее у запряженной лошади. Тогда была ночь, и чистые звезды сверкали сонными глазами, отражаясь в немых водах озерного диска. А воздух был так чист, что казалось, будто конец земли совсем близко и сделай шаг – ты провалишься вниз, к пустоте сиреновой вселенной. Как мне хотелось очутиться в той бесконечной пустоте и прогуляться по пыли заждавшихся галактик!

Тьма сгушалась вокруг одинокой лодки, освещаемой только дрожащим светом уставшего фонаря. И по воде шла рябь мерного голоса рыбака, читающего своему сыну какую-то сказку. До моего чуткого, заостренного временем слуха долетали отдельные отрывки звучащей в темноте истории:

...Куда и ведьмы смелый взор

Проникнуть в поздний час боится,

Долина чудная таится,

И в той долине два ключа:

Один течет волной живою,

По камням весело журча,

Тот льется мертвою водою;

Кругом всё тихо, ветры спят,

Прохлада вешняя не веет,

Столетни сосны не шумят,

Не вьются птицы, лань не смеет

В жар летний пить из тайных вод...

И вот лодка начала отдаляться, и голоса зазвучали все тише, как гаснущие в рыбацком неводе звезды. Я тянул ветви так старательно, так рьяно, но лодка все равно уплыла, с не услышанной мной, утонувшей в темноте историей, конца которой я так никогда и не узнал. Черная земля не отпускала меня, держала невероятно сильно, цеплялась своими несправедливыми когтями, и я не смог вырваться, стать частью тех слов, что произносил рыбак...

Иногда, когда мои листья окрашивались золотом, я видел одного человека, смуглого и невысокого, и он часто что-то произносил беззвучно, шевеля только губами. Странно было смотреть на него, когда он устремлял свой взгляд вдаль, но не видел перед собой ни реку с озером, ни моих братьев, а что-то неведомое, рождавшееся в его сознании и обретавшее форму на белых листах у него в руках. Порой, облокотившись на мой крепкий ствол, он будто бы засыпал на мгновение, но тут же открывал глаза, наполненные только что возникшей мыслью, и начинал быстро выводить узорчатые буквы, складывающиеся в замысловатые слова:

Роняет лес багряный свой убор,

Сребрит мороз увянувшее поле,

Проглянет день как будто поневоле

И скроется за край окружных гор...

Мне всегда казалось, что он любил мою осень и то, как огненно преломлялись лучи солнечного света, отражавшиеся от падающих листьев. Река синела на фоне серого неба и ярких красок волшебной осени, и сизый ветер волновал рыжий шелестящий ковер. Вокруг было тихо той живой тишиной, что может возникнуть только в это красочное время года, рождающее цветные витражи небесного света.

Вокруг меня часто были люди, молчавшие, бежавшие, одинокие и шумные. Я никогда не забуду двух рыжих мальчишек, смуглых, веснушчатых, веселых. И постоянно они бегали вокруг меня, кричали, смеялись. Ох, и выдумщики были! В один день они рыцари, спасающие королевство от ужасного морского чудовища, в другой – охотники, выжидающие добычу. Однажды они закопали клад у самых моих корней и поклялись друг другу, что через двадцать лет они встретятся здесь и откопают то, что спрятали. Двадцать лет я ждал, гонимый холодным ветром, дышащий морозом белоснежной зимы, двадцать бесконечных колец у меня внутри... Голубые небеса становились серыми, травы пригибались к земле, цветы умирали и возрождались с каждой весной. О, как прекрасна весна у этих одиноких берегов, у этой просыпающейся зелени, снимающей после долгого сна снежное покрывало! И небосклон сверкает чистотой нового мира, пушистые облака плывут в солнечном океане, отражающемся на пресыщенной земле. Я видел, как мои ветви покрывались нежными листиками, щекочущими мою грубую кору. Наблюдал, как весна сменялась летом... В это лето часто были дожди...

И вот, наступил тот день. Я был так взволнован, и мне до дрожи было интересно, как изменились те мальчишки, что пообещали друг другу когда-то откопать свои спрятанные воспоминания, сокровища, похороненные в прошлом. Но вот зашло солнце. Как же долго оно садилось! Будто следило за мной, ждущим, одиноким, разочарованным. Потом наступила тьма. Хлынул дождь, серебряными полосами расчерчивающий напряженное пространство. Землю размыло, потемнела луна. Вдруг где-то в стороне я услышал хлюпающие по грязи шаги, приближающиеся к тому самому месту, у моих корней... Этот человек не был похож ни на одного из тех смешливых ребят. Мужчина был высок, широкоплеч, груб, и лицо его было испещрено глубокими шрамами. На нем была военная форма, мокрая от стеклянного дождя, а на груди, на оранжево-черной ленте с красной полосой, висела тускло блестящая в гаснущем лунном свете медаль с надписью «ЗА

ПЕРСИДСКУЮ ВОЙНУ». Солдат молча склонился к земле и руками стал копать землю. Черная грязь липла к его огрубевшим ладоням, дождь заливался за шиворот, стремясь покрыть все своей холодной прозрачной пленкой. Я смотрел на этого сильного, упорно копающего мужчину и начинал узнавать его, освещенного туманной дымкой той завывающей, плачущей ночи. Вот те глаза цвета океана, те рыжие, кудрявые волосы, тот прямой нос и конопатые щеки! Но где же друг его детства?

Мужчина, наконец, вытащил облепленный мокрой землей самодельный сундучок. Дрожащими руками он открыл маленький заржавевший замок. Помню, как он достал оттуда маленький деревянный пистолет и тихо сказал: «Война оказалась не игрушкой...» Потом солдат встал с колен и ушел прочь, в темноту, лелея на руках счастливые дни прошедшего детства. И больше я его никогда не видел.

Шло время, долгое, тягучее, дымное. Живые птицы превратились в железных, усеявших небосклон. Я постарел, постарела река, и солнце стало на много лет старше. Все, кого я знал, кого встречал, стоя на месте, куда-то исчезли. Я, признаюсь, скучаю по ним. Столько лиц, столько неоконченных историй... Теперь все поменялось, но люди остались такими же, как были века назад. Все так же они ищут что-то, напрягая глаза, решаются и трусят, а я бодрствую на стыке времен и вижу, как распускаются минуты их жизни, доступные моему старому взгляду.

Я так долго стою здесь, умирая и возрождаясь, что эти места уже давно стали частью меня самого, а я итак всегда был их частью. Это озеро, кусты, деревья – все так надоело мне, и так порой хочется вырвать свои корни из плодородного капкана черной земли и увидеть что же там, за горизонтом, там, куда уходят все эти люди. Но иногда я понимаю: если и выдастся шанс покинуть мое убежище тишины и чистого спокойствия, я не смогу этого сделать. Я слишком люблю все это, все, что так мне надоело! Все эти истории, навсегда оставшиеся здесь, со мной, всех этих знакомых мне людей, увиденных лишь раз, эти круглые небеса, озеро и далекую полосу, разделяющую верх и низ. Мне не вырваться отсюда – это моя жизнь, мое проклятие, наказание, мое счастье и благословение! Я окружен пением невидимых птиц и зеленых трав, звоном разбивающихся облаков, игрой капли. Я нежусь в объятиях молочного ветра и дрожу под тяжестью его холода, я танцую ветвями в лунном свете и дышу прозрачностью осязаемого воздуха. Я знаю тайну этих мест: они прекрасны своими сюжетами, своим скромным величием, независимым от тока времени, и я звено, соединяющее настоящее и прошлое, обитающее здесь, протянутое сквозь целую вселенную!